ЛЕВ ЛИБОЛЕВ

ПОМНИШЬ, МЫ БЫЛИ ЛЮДЬМИ

АВТООТВЕТЧИК

Оставь сообщение. Может, прочтут и даже ответят когда-то. Там где-то стреляют, но это не тут – смешна календарная дата, которой никак не совпасть со звонком. Звонишь – и гудки без ответа. А голос, который был раньше знаком, сегодня молчит... Как же это неправильно, Господи. Где же ты там? Я ставил достаточно свечек, но вновь собираю себя по частям и слушаю автоответчик простите, не может сейчас подойти, вне дома, вне связи, попозже звоните, мусоля копейки в горсти. Ну, где ты там спрятался, Боже? Она там жива? Говори, не томи. Иначе я точно изверюсь. Пусть скажет – а помнишь, мы были людьми, несли несусветную ересь. Ах, плен двухкопеечных медных монет, и Родина невыездная... Я слушаю, но сообщения нет, и что с этим делать - не знаю.

ЗАПАХ ПОЗДНИХ СЛИВ

Есть в тишине и музыка. Услышь её тона, созвучья, переливы. Откуда-то слова – поспи, малыш. И женщина стоит у старой сливы, а ты не спишь, припав к её груди. Сентябрьский сон, оставь, не уходи от этих звуков памятной свирели. Но мамы нет уже давным-давно. Сентябрь, ветра с дождями заодно, и сад, и сливы поздние созрели. Есть музыка, газета и дрова, есть мама - не впервой такое снится. Варенье скоро будет, но сперва в окно заглянет юркая синица, предчувствуя февраль и то, что в нём. А слива соревнуется с огнём,

и чья победа будет, не вопрос, но ни слова нет, сентябрь не говорлив. Мелодия и запах поздних слив так вовремя. И так ужасно поздно.

ФИЗАЛИС

Жизнь разводит, привыкаем, что нам делать сообща? Бьёт по небу рваным краем, как тряпица трепеща, воздух жаркий и тягучий, отдаляя окоём. Дел навалом, и до кучи – мы с тобою не вдвоём. Дома запах майорана, перец, мята, пустота. Остывают души рано, эта истина проста. Тело старится позднее, здесь ли, там ли, всё равно. Стынет в жилах, цепенея, душ прокисшее вино. Как ты в августе? Всё так же? Стол и специи на нём. Повод есть к ажиотажу этим выгоревшим днём – просто вспомнилось, как тонко пахли волосы твои, август, вечер, комнатёнка мало нужно для любви. Просто вместе оказались в этот вечер ты и я. Сох на столике физалис, кожей тонкой шелестя.

СТРЕЛКА МЕТРОНОМА

Собрав букет из трав каких-то сорных, сиди, смеясь, на кухоньке одна. Есть кофе растворимый или в зёрнах, собачка есть – на морде седина. И что-то там на завтрак – хлеб, варенье – черешня, слива, вишня, абрикос. И дни, что повторяются в рефрене, и жизнь, в которой всё наперекос. Собачка прикорнула на коленях, а скатерть, словно белый снег чиста. Нет выживших, нет раненных, нет пленных, и сердца неизменна частота стучит-стучит, как стрелка метронома, быстрее или медленнее, но съедает время, будто карцинома, всё то, что ей с рождения дано. А тут война, сентябрь и нет управы на жизнь – она пока не истекла. И ей милы невысохшие травы в бутылке из прозрачного стекла.

ЕСТЬ ЛИ КТО ЖИВОЙ

Церковь догорела на окраине, вот и город наш осиротел. В это утро, хмурое да раннее – чёрный остов, жухлый чистотел. Поп в очках со стёклышком расколотым – было раньше, значит, будет впредь. Внутренность, прохваченная холодом, всё никак не может умереть. Хлопает глазницами оконными, двери настежь, всё освящено, только вот разлито под иконами, словно кровь, церковное вино. И молитву правит сука щенная, из души собачьей – в душу вой. Мне зайти бы, вымолить прощения, громко крикнуть – есть ли кто живой? Только поп и ангелы мерещатся – проще им, когда без потолка. Знаешь, смерть, она совсем не грешница, если посмотреть издалека. А вблизи кому оно дозволено знать её без видимых причин... Ангел принимает облик воина и сдаёт на склад небесный чин. Всё пеняю ангельской ораве я, как же вы могли, зачем, на кой столько зажигал свечей за здравие, а горит одна – за упокой.

ЕЛЬ

А помнишь, как скинулись мы по рублю, чтоб ель уберечь на пригорке. палач обещал – я её не срублю, и щерился пьяно и горько. На трезвую я не рублю вообще – сказал он, слова подбирая, а выпью - не холодно даже в плаще, хотя и погодка сырая. Хрипел он, мусоля в ладони рубли, не глядя на ель, отмахнувшись. Ты помнишь – мы вместе топор погребли, резни признавая ненужность. А старый палач говорил – пустота вот здеся живёт за грудиной заявишься в лес, будто в храм без креста, а там ни души, ни единой. И сам без души, хоть привычный, а всё ж натерпишься страху по брови, но ель убиенную к дому несёшь, дурея от запаха крови. Ты помнишь, как шёл он, усталый палач, с пригорка от выжившей ели. Ну что ты, моя дорогая, не плачь, мы вовремя всё же успели

сюда, обо всём остальном промолчу, случилось, и значит – во благо, а ель отпустила грехи палачу, простила его, бедолагу. И мы никогда не жалели о том, опять возвращаясь упрямо под ель, у которой верхушка крестом, как будто на маковке храма.

ЙОД И КРАСНОЕ ВИНО

Ещё не перелом, но ветер злее, и птичий гам – для сердца не бальзам, растраченный на тело в мавзолее. Где сердца нет, не веришь и слезам. И мы не будем верить, слишком рано, предсказывать - не наше ремесло. А кто звенел ключами от Гохрана, тот много знал, но это не спасло. Зима идёт, предчувствия острее, к чему гадать, ведь признаков полно нет света, и не греет батарея, все ищут йод и красное вино. Что будет – то и будет, дорогая, чему вершиться – то произойдёт. Не выйдет жить, судьбу опровергая, уже октябрь, и ядом пахнет йод. И холодно, и темень вечерами, но мы живём в такие времена, вот в этот день и час, вот в этой драме, и есть ли в этом чья-нибудь вина? Пожалуй, есть. Не будем тыкать пальцем, не станем перетряхивать архив. Ну что нам, в этой жизни постояльцам, бумага скажет, не договорив о самом главном - вместе выжить легче, а слёзы просто спрятаны внутри... Ну, вот и снег ложится нам на плечи. Пойдём. И ничего не говори.

ВРЕМЯ АСТР

Вот и ноябрь, время выцветших астр, бледных оттенков, последней надежды. Город заносит постройки в кадастр, старенький дворик, ну где же ты, где ж ты? Видно, снесли до ноябрьских ветров, место расчистили для долгостроя. Астры на клумбах – их цвет нездоров. думал – приеду, ворота открою, просто зайду, посижу, покурю, встречу кого-то и с ним поболтаю. Дворик снесён. Что пенять ноябрю? Всё, пролетела пора золотая с астрами вместе – не вижу их тут, жёлтых и бледно-сиреневых, блёклых. Раньше бывало, выходишь – цветут, и отражаются звёздами в стёклах.

Больше их нет, ни кола ни двора, вечная тема, вопрос без ответа, вечером, а иногда и с утра, не понимая — на что мне всё это. Скоро зима... Загляну по пути, чуть постою, покурю, поколдую — может, случится мне астру найти. Жёлтую астру. Почти золотую.

ТЫ ТОЖЕ, БРУТ

Земля помягче возле скверика, погиб – лежи, как падишах, за школой, где воскликнул – эврика! не разумея в падежах. Склонял, как мог, ничем не брезгуя, увы, ни в чём не преуспел, умел и матом, в слово резкое добавив лишний децибел. Но падишаху – падишахово, гусары денег не берут. Обстреливали, а душа его сказала вдруг – ты тоже, Брут, поймав осколок – умер неучем, теперь зароют, не спросясь. О чём с таким-то? Вроде, не о чем. Ну жил, ну был. Какая связь? Кружил по старой части города, война-войной, да что ему... А тьма сиренами распорота, которые не по уму таким, как этот – вон в хрусталике война склоняется уже хрущёвки чёрные да сталинки в каком-то смертном падеже.